

А. КОЧЕТКОВ. «БАЛЛАДА О ПРОКУРЕННОМ ВАГОНЕ» (ОПЫТ КОМПОЗИЦИОННО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

А.Т. ГУЛАК. О. КОЧЕТКОВ. «БАЛЛАДА ПРО ПРОКУРЕНИЙ ВАГОН» (СПРОБА КОМПОЗИЦИЙНО-СЕМАНТИЧНОГО АНАЛИЗУ).

Головну увагу у статті приділено інтерпретації семантики поетичного тексту, змістовної сторони слова як головного конструктивного елемента поетичного мовлення. У композиційно-семантичному і композиційно-синтаксичному планові вірш членується на 3 частини. Ядро першої (більшої) частини становить драматичний діалог двох закоханих. Емоційну напругу створює загадковість осіб, що ведуть розмову. Семантична композиція вірша надзвичайно складна. У його семантичному малюнку перемішуються два мовних плани, що підспудно розвивають драматичну життєву лінію героїв. Діалог у цьому вірші виступає своєрідним емоційним імпульсом до оповіді про аварію поїзда, у якій гине один з героїв. Друга частина віршу являє собою оповідальний монолог, у якому змальовано життєву драму одного з героїв. Розповідь про катастрофічну подію сприймається як реалізація трагічних передчуттів героя, як сюжетний розвиток намічених у його мові мотивів. Перехід до 3-ої особи відсуває зображуване, дає змогу побачити його ніби збоку. У заключній (3-й) частині словесний матеріал переводиться до іншої емоційно-смислової сфери: у структуру вірша включаються форми наказового способу з модальними відтінками побажання, навіть заклинання. У напівстрофі, що завершує вірш, від імені ліричного героя робиться гіркий висновок невпинно враховувати тендітність, нетривкість людського існування, його незахищеність від сліпої випадковості.

Ключові слова: семантична композиція, діалог, мотив, оповідальний монолог, метафоричний і метонімічний образи, наказовий спосіб.

А.Т. ГУЛАК. А. КОЧЕТКОВ. «БАЛЛАДА О ПРОКУРЕННОМ ВАГОНЕ» (ОПЫТ КОМПОЗИЦИОННО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА).

Основное внимание в статье уделено интерпретации семантики поэтического текста, содержательной стороны слова как главного конструктивного элемента поэтической речи. В композиционно-семантическом и композиционно-синтаксическом плане стихотворение членится на 3 части. Ядро первой (большей) части составляет драматический диалог двух влюбленных. Эмоциональное напряжение создается загадочностью лиц, ведущих разговор. Семантическая композиция стихотворения чрезвычайно сложна. В его семантическом рисунке перемешаются два речевых плана, подспудно развивающих жизненную драматическую линию героев. Диалог в этом стихотворении выступает своеобразным эмоциональным импульсом к повествованию о крушении поезда, в котором погибает один из героев. Вторая часть стихотворения являет собой повествовательный монолог, в котором представлена жизненная драма одного из героев. Рассказ о катастрофическом событии воспринимается как реализация трагических предчувствий героя, как сюжетное развитие намеченных в его речи мотивов. Переход к 3-му лицу отодвигает изображаемое, объективирует его, позволяет увидеть его как бы со стороны. В заключительной (3-ей) части словесный материал переводится в иную эмоционально-смысловую сферу: в структуру стихотворения включаются формы повелительного наклонения с модальными оттенками пожелания, даже заклинания. В завершающей стихотворение полустрофе от имени лирического героя делается горький вывод непрестанно учитывать хрупкость, непрочность человеческого бытия, его незащищенность от слепой случайности.

Ключевые слова: семантическая композиция, диалог, мотив, повествовательный монолог, метафорический и метонимический образы, повелительное наклонение.

A.T. GULAK. A. KOCHETKOV: THE SMOKE-FILLED WAGON BALLAD (COMPOSITION AND SEMANTIC ANALYSIS EXPERIENCE).

The main attention in the article is paid to the interpretation of the semantics of the poetic text, the content of the word as the main constructive element of poetic speech. In terms of semantical and syntactical composition, the poem is divided into three parts. The core of the first (bigger) part is the dramatic dialogue between two lovers. Emotional tension is created by the mysteriousness of the persons conducting the conversation. The semantic composition of the poem is extremely complex. Its semantic layout consists of two speech plans, implicitly developing the dramatic life line of the characters. The dialogue in this poem is a kind of emotional impulse to the narration of the train crash in which one of the characters dies.

The second part of the poem is a narrative monologue, which presents the life drama of one of the characters. The story about the catastrophic event is perceived as a realization of the character's tragic feelings, as a plot development of the motives outlined in his speech. The transition to the 3rd person pushes the picture away, objectifies it, allows you to see it as if from outside.

In the final (3rd) part the verbal material is transferred into a different emotional and semantic sphere: the structure of the poem includes imperative forms with modal shades of request, even spell. In the final half-strophe of the poem, a bitter conclusion is made in the name of the lyrical hero to continually take into account the fragility of human existence, its insecurity from blind chance.

Key words: semantic composition, dialogue, motive, narrative monologue, metaphorical and metonymic images, imperative mood.

«Баллада о прокуренном вагоне» была написана 32-летним русским поэтом Александром Кочетковым в 1932 году. История появления этого стихотворения описана в записках жены и музы поэта Инны Григорьевны Прозрителевой. По ее словам, лето 1932 года она с мужем-поэтом проводила у отца в Ставрополе. Александр Кочетков уезжал раньше, уже даже был куплен билет до Москвы, а она должна была приехать позднее. Но расставаться им было трудно, и они решили продать билет и хоть на 3 дня отсрочить отъезд.

Когда уехавший 3-мя днями позже поэт появился в Москве, его друзья были поражены: поезд, которым он первоначально должен был приехать, потерпел страшное крушение у станции Люблино-Дачное под Москвой. Погибли 36 пассажиров, десятки были тяжело ранены. Друзья, зная, что Александр Кочетков должен был приехать этим поездом, заволновались, опасаясь, что он оказался среди погибших.

В первое же письмо жене из Москвы Кочетков вложил стихотворение «Вагон» (так в первом варианте называлась «Баллада о прокуренном вагоне»). «Нас спасла любовь», – скажет потом жена поэта.

Попытаемся, по словам Р. Барта, «проникнуть в содержательный смысл произведения, в сам процесс формирования смысла в нем» [1, с. 307]. Русский лингвист А.М. Пешковский совершенно справедливо считал, что «лишь семантический анализ образно-лексического строя произведения может привести к пониманию его содержания» [4, с. 159–160]. Поэтому основное внимание в нашем анализе будет уделено интерпретации семантики поэтического текста, содержательной стороны слова как главного конструктивного элемента поэтической речи.

Рассматриваемое стихотворение написано с позиций человека, ощутившего и осознавшего хрупкость своего существования на земле, его ненадежность, его временность, его подверженность нелепой случайности. В композиционно-семантическом, композиционно-синтаксическом и мелодическом плане стихотворение членится на 3 части. Ядро первой (большей) части составляет драматический диалог двух влюбленных. Эмоциональное напряжение создается загадочностью лиц, ведущих разговор. Семантическая композиция¹ чрезвычайно сложна: от чьего имени идет начальная реплика? От имени дерева, сросшегося с

---

¹ К семантической композиции мы, вслед за В.В. Виноградовым, относим принцип или прием насыщения слов и выражений разнообразными смысловыми излучениями, которые в соответствии с ситуацией приобретают функции неожиданных указателей вех или путей развития сюжета [2, с. 14].

другим деревом, и одно из них спиливают, или от имени человека, одухотворившего это дерево и использующего его как параллель для освещения своей жизненной ситуации? Рассказ как бы движется по грани двух семантических планов. Вначале – это цепь образов, характеризующих сросшиеся деревья, одно из которых спиливают:

– Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями,
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.

Но дальше следуют образы, недвусмысленно указывающие на сферу человеческих отношений:

Не зарастет на сердце рана,
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана
Правда, последний стих реплики вновь набрасывает покров загадочности:
Прольется пламенной смолой.
Смола проливается только из ран деревьев.

Этот «мужской» монолог вызывает ответную реплику, идущую от женского «лица»:

– Пока жива, с тобой я буду –
Душа и кровь неразделимы, –
Пока жива, с тобой я буду –
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду –
Ты понесешь с собой, любимый, –
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

Реплика-монолог не приподнимает занавес над ликом говорящей, но раскрывает «изнутри» ее образ – образ преданной любимому женщины, жены. Здесь эмоционально-насыщенные, но не до конца проясненные метафорические образы «Душа и кровь неразделимы», «Любовь и смерть всегда вдвоем» смутными намеками направляют читательские ассоциации в сторону общего трагического смысла стихотворения.

В дальнейшем его движении реплики героев становятся короче, диалог динамизируется. Загадочный смысл стихотворения сохраняется, в его семантическом рисунке перемежаются два речевых плана, подспудно развивающих жизненную драматическую линию героев:

– Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
– За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба – я и ты.

Направленность словесных ассоциаций в речи героя всё отчетливее связывается с мотивом ухода из земной жизни (по сути – с мотивом возможной смерти), всё больше напрягается эмоциональный тон жалоб героя. Способствует этому и необычность сочетания слов («Но если мне укрыться нечем / От жалости неисцелимой»), и постановка в один (однородный) ряд дополнений, из которых только одно по смыслу может быть подчинено главному члену («Но если мне укрыться нечем / От холода и темноты»). Что такое *жалость неисцелимая*? Это сожаление по оставленному на земле любимому человеку. Метафорические образы «холод» и «темнота», выступая в качестве своеобразных могильных атрибутов, в то же время символизируют внутренне напряженное состояние героя. Повторы, параллельное построение конструкций, метафоры-загадки резко колеблют эмоциональность изложения.

Загадочными намеками наполнены только реплики героя, речь героини более непосредственна и недвусмысленна. Таинственный покров сброшен, по сути, только на завершающий строфу стих «Вернемся оба – я и ты». Вернемся откуда? И куда? Здесь намечается, предчувствуется линия нескончаемой, вечной жизни.

В речи героя по-прежнему ощущается скрытый глубоко трагический метафорический смысл: земная жизнь приравнивается к «*короткому свету луча дневного*», а ее конец – к уходу «*за звездный пояс, в млечный дым*»:

– Но если я безвестно кану –
Короткий свет луча дневного, –
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?
– Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

В реплике героини самой формой непосредственных словесных выражений обозначено направление ассоциаций. Сопоставление подчеркнуто разных в композиционно-семантическом отношении, но сходных синтаксически реплик героев свидетельствует о тесной эмоциональной связи между ними.

Диалог в этом стихотворении выступает своеобразным эмоциональным импульсом к повествованию о крушении поезда, в котором погибает один из героев.

Вторая часть стихотворения являет собой повествовательный монолог, в котором представлена жизненная драма одного из героев. Рассказ о катастрофическом событии воспринимается как реализация трагических предчувствий героя, как сюжетное развитие намеченных в его речи мотивов:

Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном
Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.

Переход к 3-му лицу отодвигает изображаемое, объективирует его, позволяет увидеть его как бы со стороны². Но кто это – *ОН*? Тонкая психологическая характеристика *его* внутреннего состояния («Он стал бездомным и смиренным»; «Он полуплакал, полуспал») направляет ассоциации в сторону авторского лица.

Здесь мы имеем дело с необычной и сложной структурой лирического героя, личность которого тождественна с личностью автора. Это сам поэт, потрясенный катастрофой, в которой вполне мог бы погибнуть, не сдай он билет на этот поезд, как бы мысленно переживая весь процесс происшедшего, воссоздает и возможный прощальный диалог с возлюбленной, раздваивая свой «лик», и осмысливает хрупкость, непрочность земного бытия, страшную роль в нем нелепой случайности, и делает безрадостное заключение о необходимости постоянно учитывать эту случайность.

Воспроизводится в общих чертах апокалиптический образ железнодорожной катастрофы, обвешанный эмоциональной оценкой описывающего страшное событие лица:

Нечеловеческая сила,
В одной давяльне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.

Следующее затем контрастное присоединение посредством союза *И*, отсылающее своим содержанием к началу стихотворения, напоминающее о внутренней его эмоционально-семантической связи с фразой, содержащей обещание любимой женщины защитить любимого своей молитвой, своим ожиданием встречи с ним, несет в себе печальный обобщенный вывод о хрупкости, ненадежности человеческого существования, его полной незащищенности в непредсказуемом земном мире:

И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,

---

² Ср. замечание И.И. Ковтуновой: «Третье лицо устанавливает дистанцию между говорящим и предметом речи» [3, с. 89]

И никого не защитила

Рука, зовущая вдали.

Метафорический (с примесью олицетворения) – «не защитила вдали обещанная встреча» – и метонимический (с примесью метафоры) – «не защитила рука, зовущая вдали» – образы, переводя изложение в печально-сдержанную тональность, как бы опускают занавес перед происшедшими трагическими событиями.

На поэта словно бы нисходит озарение: всё в этом земном мире бессильно перед нелепой, слепой случайностью. В заключительной (3-ей) части словесный материал переводится в иную эмоционально-смысловую сферу, резко меняются экспрессия и синтаксис: в структуру стихотворения включаются формы повелительного наклонения с модальными оттенками пожелания, даже заклинания. «Отчетливо выраженное значение заклинания вытекает из общего смысла или стиля поэтического произведения или создается определенной синтаксической структурой, чаще всего повтором, усиливающим волевое начало в повелительной формуле» [3, с. 125]. Последняя строфа насыщена глаголами в повелительном наклонении с заклинательным значением. Звучит страстное обращение пережившего откровение и потрясенного этим откровением лирического «Я», убежденного, что слово его возымеет действие на читателя.

Заклинательная формула «С любимыми не расставайтесь!» повторяется трижды; ее действенность и эмоциональный смысл усиливаются повтором повелительной формулы с варьированием содержания: «Всей кровью прорастайте в них». Это яркое метафорическое выражение по своему смыслу перекликается с образами первой половины стихотворения («Сроднясь в земле, сплетясь ветвями»; «Душа и кровь неразделимы»; «Любовь и смерть всегда вдвоем»), способствуя созданию целостного поэтического образа – неразрывной связи двух любящих сердец и постоянной угрозе ее существованию.

С любимыми не расставайтесь!

С любимыми не расставайтесь!

С любимыми не расставайтесь!

Всей кровью прорастайте в них, –

В завершающей стихотворение полустрофе от имени лирического героя делается горький вывод непрерывно учитывать ненадежность, хрупкость человеческого бытия, его незащищенность от слепой случайности:

И каждый раз навек прощайтесь!

И каждый раз навек прощайтесь!

И каждый раз навек прощайтесь!

Когда уходите на миг!

Анафорическая постройка присоединительного союза *И* в трех соседних стихах способствует созданию своеобразного лирического его разбега и тем самым вносит эмоциональное напряжение и экспрессивную насыщенность в завершающую композиционную часть стихотворения.

Большую эмоциональную силу и высоту интонации несут на себе здесь также троекратно повторяющиеся императивы-заклинания и подчеркнутый внутренний контраст (*не расставайтесь – прощайтесь, навек – на миг*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. М: Прогресс, 1980. С. 307–312.
2. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: ГИХЛ, 1961. 614 с.
3. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 208 с.
4. Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. Л.: Госиздат. 1930. 176 с.

(Статья поступила в редакцию 2 апреля 2019 г.)